

RUGRAM

ЮЛИЯ ЯКОВЛЕВА

Даль

STORYTEL
RUGRAM

Москва

2 0 2 1

УДК 82-312.4
ББК 84(2Рос-Рус)6
Я47

Storytel — жизнь в историях.

Яковлева Ю.

Я47 Даль : [роман] / Юлия Яковлева. — СПб. ; М. : «RUGRAM_Holmes Press», 2021. — 364 с. — (Серия «Storytel Original»).

ISBN 978-5-517-04526-3

Мистический детектив Юлии Яковлевой. Действие происходит в России в начале XIX века. Молодой Владимир Даль, военный врач, пылко интересующийся русским языком и культурой, совершает вынужденное и очень опасное путешествие из Дерпта в Санкт-Петербург. Каждая серия — новое захватывающее медицинское расследование.

УДК 82-312.4
ББК 84(2Рос-Рус)6

© Яковлева Ю. Ю., 2021
© Storyside. 2021
© Оформление.

АО «Т8 Издательские Технологии», 2021

ISBN 978-5-517-04526-3

Первая серия ДОВОЙ

В утренней тьме лошади фыркали, из ноздрей шёл пар. Кучер похлопал тёплый зад вороного. Чуют скорую дорогу! Скоро, скоро. Обошёл дилижанс. Нагнулся, осмотрел днище. Просел. Тьфу! Теперь только надеяться, что тракт крепко подморозило. А то ведь сядем в грязь по самое брюхо. Четыре пассажира. Все четверо с багажом. Ну и, как водится, почта. Тут просядешь, м-да. Ладно.

Полез по лесенке к уступам чемоданов. Правила есть правила. Приказ господина почт-директора Булгакова: багаж крепить ремнями и сверху кожей. С тех пор как на перегоне у Ижоры потеряли чемодан. Вывалился, говорят. И не заметили как. Господин почт-директор в гневе выслал... Но нет, ремни затянуты. То-то. У меня не вывалишься. Правила для того и писаны. Я-то правила знаю! На всякий случай попробовал — подёргал за углы. Чемоданы пассажиров и почты стояли крепко, как кирпичи в крепостной стене.

Кучер натянул поверх них кожаный полог. Обогнул карету. Дверца нараспашку. На ступеньке точно упавший цветок: из кареты выплеснулся край чёрного платья. Кучер вспомнил имя пассажирки: госпожа Пфафенбах. Вдова и тайная советница. Воображение дорисовало к имени и званию чепец, лорнет, седые букли. Старые дамы капризны. Всего опасаются. Толчков, ухабов, сквозняков. Боятся перевернуться, опрокинуться, сшибиться с другим экипажем. У меня бояться нечего! Докачу, как

яичко по скатерти! Кучер двумя пальцами, как бабочку за крыло, вернул край платья внутрь, чтобы не потревожить старую даму. Все четверо — а были ещё там рижский купец, чиновник в бобрах и русский офицер — оплатили места до самого Питера. Полна коробочка!

Кучер шархнул дверцей. Вспрыгнул на козлы. Натянул толстые рукавицы. Подобрал поводья. Чмокнул, свистнул, хлопнул — дилижанс тяжело дёрнулся, сдвинулся, лошадки побежали. Колёса трещали по булыжной мостовой, оставляя на жиденьком снежку две чёрные полосы — как будто проехали не колёса, а полозья. Мимо розовых, жёлтых, голубоватых в темноте двухэтажных домов. Блеснуло окошко: булочник. Остальные ещё спят. Свернули. Тёмная громада. Черные высокие окна, голубые колонны. Голубые снежные хлопья на чёрных цепях ограды. То был университет. Проехали, слава богу. Студентишки — дрянь. От них во всём Дерпте шум и ералаш. А чуть кого тронь — да хоть слово им скажи — потом сам не рад будешь. Навалятся. Задразнят. Затравят. Без них бы Дерпт...

Но пришлось признать, что без них в Дерпте не было бы столько профессоров. Людей степенных. Академиков. Докторов. Столько почты. ...да! а в чемодане-то том... который под Ижорой потеряли. В нём, говорят, было двенадцать тысяч рублей ассигнациями.

Потеряли, ага.

Не заметили, ага.

В сугроб, мол, выпал. Ага.

Что скажешь: русские.

— Пф!

Потому и заняты сейчас все четыре места, что кучер — немец. Знают: довезёт по правилам. Не растрясет, не опрокинет, в сугроб не вывалит... Покачал головой. Сугробы. Уф. Не попасть бы дорогой в метель. Глянул на небо. Оно было ясным. Лунным. Может, и обойдется... Но тут лошади захрапели, затопотали на месте, высекая

искры, цепляясь сбруей, наталкиваясь друг друга. Дилижанс осадило. Тряхнуло. Пассажиры вскрикнули. Внутри глухо стукнуло, потом ещё раз. А сам кучер едва не полетел с козел головой вперёд. Но удержался. Вскочил.

Посреди мостовой стояла тёмная фигура, окутанная шинелью.

— Эй!

Неизвестный не шелохнулся.

Лошади косились, мотали мордами.

Кучер потряс кнутом:

— Я тебе вот...

И сам всхрапнул так, что лошади умолкли. Выпучил глаза. Заметил лунный блик на козырьке фуражки. На ботфортах. И как был — плюхнулся обратно на козлы. Проскрипел сквозь зубы — а что ещё оставалось:

— Доброе утро, господин студент.

— Так-то любезнее, — ответил незнакомец. Наклонился, поднял. В одной руке — дорожную корзину, в другой — саквояж. Подошёл. Корзину закинул наверх. Бом! — ударила она по крышке щёгольского дамского чемодана.

И сообщил:

— Мне в Петербург.

— Никак нет-с! — вскричал кучер, крутясь то вправо, то влево. А студент уже вскарабкался по ступенькам и теперь пристёгивал свою корзину под багажный ремень.

— Да как же нет. Дилижанс до Петербурга?

— Верно! То есть...

— Помогите бедному студенту, — нахально заявил тот. И ведь знает паршивец! Кто в Дерпте откажет студенту? Безумцев нет. У студентов корпорация. Отошьёшь одного — навалятся все. Зашутят, задразнят, затравят. Ах ты, Иисусе милосердный.

— Против студентов что имеешь?

— Обожаю! Обожаю... Господин студент! — взмолился кучер. — Все места заняты!

— Глупости, любезный.

Студент схватился за ручку дверцы.

— Четыре пассажира уже! — умолял кучер.

Тот лишь беззаботно бросил:

— Где четыре — там пять.

— Не по правилам!..

Стукнуло окошко кареты. В проёме показалось лицо и бакенбарды. Вырвался парок дыхания — он пах коньяком:

— Почему встали?

Голос человека, который заплатил за место девяносто пять рублей. И требует отчёта за каждый.

— Потеснимся, господа, — весело предупредил студент.

— Was ist das? — спросил по-немецки женский голос.

Студент нахмурился. Но ручку двери выпустил.

— Ales gut, — ответил.

В темноте не видно было, что он слегка покраснел.

— Ты что ж не сказал, что даму везёшь?

— Даму! Как есть дама!

Кучер возликовал: отстал?

— Да вы следующий дилижанс подождите, господин студент! — залебезил.

Меленько перекрестился: пронесло! Господи Иисусе. Повезло, что старуха влезла. Славная старушка! Со старухами шутки плохи.

Но тотчас на козлы плюхнулся саквояж. В саквояже брякнуло. И сам студент, съездив кучера по лицу мокрой полрой шинели, как крылом, упал рядом. Карета пискнула.

— Трогай, любезный.

Через ватный подбой, через шинель кучер ощутил лажкой тепло его зада — молодого, нахального, тощего.

Предстояло ощущать его триста с лишним вёрст. До самого Петербурга. Бесплатно, разумеется. Денег студент не предложил.

Как хорош был бы Дерпт — без студентов. И к чёрту всех профессоров.

Хотелось плакать.

...но ведь и подорожную студент не показал.

Плакать расхотелось.

И имени своего не назвал.

Ни денег, ни имени, ни подорожной.

Впереди была застава. Полосатый шлагбаум. Караул.
Закон и правила.

За шкирку — и на гауптвахту. А там — вылетишь, голубчик. Пинком под зад. Из дилижанса. Из университета. Из Дерпта! Пшёл!

Кучер повеселел. Подобрался.

Улыбка расцвела на его лице. Студент ответил недоверчивым взглядом:

— Чего это лыбишься?

Кучер смачно поцеловал воздух: м-ма! Хлобыстнул вожжами. И предвкушая скорое возмездие, завопил:

— Н-но-о-о-о!!!

Треск колёс сменился тихим стуком, с булыжной мостовой съехали на окраинные улицы. Лошади умили бег. Кучер хотел было хлопнуть вожжами, чмокнуть, но покосился на седока рядом. Студент покачивался, утопив нос в воротник шинели. Вроде уснул. Кучер тихо опустил вожжи. Ну спи, спи. Недолго осталось. Луна скрылась за облаком. Оттого ещё ярче блеснули впереди оранжевые огни. Факелы. Дилижанс подъезжал к заставе. Сейчас будет потеха. Прошу ваши документы. Благодарю. А ваши, господин студент? Хе-хе. Так тебе и надо, свинья! Правила для всех!

Уже различим был в утренней темноте полосатый шлагбаум, воздетый как перст.

Уже поднимал зад непроторенный караульный. А чего суетиться?

Почтово-пассажирский дилижанс Рига-Петербург шёл по расписанию. Караульный видел покачивающиеся передние фонари. Слышал конский храп. Дилижанс тормозил.

Всё по правилам.

Кучер приподнялся на козлах, чтобы поприветствовать караул.

И тут острый локоть двинул ему в бок. Дух вышибло. Голову покрыла шерстяная тьма. Сверху что-то навалилось. Придавило, не вздохнуть. Вожжи выпали из рук. Не выпали.

Студент их подхватил. Хлобыстнул, прикрикнул. Послал лошадей вскачь.

Загремели копыта. Колёса затрещали. Караульный схватился было за ремень, чтобы опустить шлагбаум. Но лошади были крупные, хорошие. Снесут ведь шлагбаум. Казённое имущество. Караульный отскочил.

Дилижанс надвинулся из темноты. Прогрохотал мимо.

— Пьянь! — заорал караульный вслед.

Задние фонари дилижанса мотались, быстро удаляясь — снова в темноту.

Караульный погрозил им вслед. Сплюнул:

— Тьфу. Немец.

Вышел офицер. Караульный встал столбом: смирно.

— Что такое?

— Почтово-пассажирский из Риги в Петербург прошёл.

— И не остановился?

— Видать, опаздывал. Не по правилам, конечно. Изволите вдогонку послать?

Офицер вынул часы.

— Опаздывал, говоришь? Хм. Вроде по расписанию.

— Так ведь у кучера поди часов нету, — заметил караульный.

Тот хмурился.

— А почт-директор-то господин Булгаков, сказывают, права тяжёлого. Опоздать никак не можно.

Офицер сунул часы обратно.

— Верно.

Оба глядели на зимнюю дорогу. Слушали удалявшийся топот и стук.

— Послать вдогонку прикажете?

— С пассажирами шёл?